

АВАНЕСОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ

Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой теологии, директор НОЦ «Гуманитарная урбанистика». Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород. Россия.

Главный редактор научного журнала «ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики».

E-mail: iskiteam@yandex.ru

УДК 101.9

АВТОБИОГРАФИЯ КАК ФИЛОСОФИЯ СЕБЯ

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ

№ 19-011-00124 «Философская автобиография как метод антропологической навигации»

Аннотация. Статья посвящена теме проблематизации автобиографии с точки зрения её роли в процессе становления личности. Показано, что автобиография как форма практики себя превосходит границы литературного жанра и должна быть понята как антропологическое действие. В таком контексте обнаруживаются характеристики автобиографии, позволяющие сравнить её с философи-ей. Показано, что подлинная автобиография всегда несёт на себе признаки антропологической философии, а подлинная философия всегда автобиографична. Определены общие свойства автобио-графии и философии: аксиологический характер познания, авторефлексивность, синхронность мысли и интенция на сопротивление смерти. На этом основании утверждается, что всякая автобиография является в той или иной степени философской. Рассмотрены проблемы соотношения автора и героя в пространстве автобиографического текста, а также условия и способы взаимного влияния автора на читателя и читателя на автора. Выявлено аксиологическое соотношение факта и события, исторических обстоятельств и внутренней жизни, биографии и автобиографии, обоснован тезис о незавершённости любого автобиографического нарратива.

Ключевые слова: автобиография, биография, антропологическая философия, автор, читатель, практика себя, личность, время.

© Аванесов С. С. 2019

Sergey S. Avanesov

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia

E-mail: iskiteam@yandex.ru

AUTOBIOGRAPHY AS A PHILOSOPHY OF YOURSELF

Abstract. The article is devoted to the problematization of autobiography from the point of view of its role in the process of personality formation. It is shown that autobiography as a form of self-practice transcends the boundaries of the literary genre and should be understood as an anthropological action. The characteristics of an autobiography to compare it with philosophy are found in this context. It is shown that genuine autobiography always bears signs of anthropological philosophy, and genuine philosophy is always autobiographical philosophy. The general properties of autobiography and philosophy are defined: the axiological nature of cognition, self-reflection, synchronism of thought and intent on the resistance to death. On this basis, I affirm that any autobiography is, to one degree or another, a philosophical work. The problems of correlation of the author and the hero in the space of an autobiographical text, as well as the conditions and methods for the mutual influence of the author on the reader and the reader on the author, are discussed in this article. The axiological correlation of fact and event, of historical circumstances and inner life, of biography and autobiography is revealed. The thesis that the autobiographical narrative anytime is unfinished is substantiated

Keywords: autobiography, biography, anthropological philosophy, author, reader, self-practice, personality, time.

DOI: 10.32691/2410-0935-2019-14-12-23

Нет, весь я не умру
А. С. Пушкин. Памятник, 1836

1. Автобиография и философия

Автобиография как литературный жанр исследована достаточно подробно [напр., Сапожникова 2012; Карпенко 2016], поэтому нет особой нужды заниматься ею в названном ракурсе. Я здесь хочу обратить внимание на те характеристики автобиографии, которые ставят её как бы вне литературных жанров или, по меньшей мере, не позволяют однозначно и полностью разместить её в ряду таких жанров. Я постараюсь рассмотреть автобиографию в более широком (условно говоря, философско-антропологическом) контексте, который позволит понять её как форму антропопрактики, как такую философию себя, которая позволяет автору обнаружить и «достроить» (или «перестроить») собственную личность. Такой подход не отрицает понимания автобиографии в качестве литературного жанра¹, но ставит под сомнение достаточность такого понимания.

¹ Такой ракурс понимания автобиографии делает достаточно условными её жанровые отличия от мемуаров, дневников и т. д., поскольку ориентирует на *существо* дела как нечто первичное по отношению к форме, в которой оно выражается. К примеру, свою книгу личных воспоминаний Владимир Набоков именует и *мемуарами* (в первой английской версии), и *автобиографией* (во второй английской и в русской версиях), употребляя эти термины как взаимозаменяемые, синонимичные, указывающие на одно и то же *по сути*. Мы имеем право сделать такой вывод, поскольку и по содержанию, и по структуре, и по стилю названные три версии принципиально не различаются.

Собственная биография в той или иной степени всегда представляет собой частный случай подлинной рефлексивной антропологии, то есть является речью о человеке, ведущем эту речь. В жанре автобиографии философия и антропология находят друг друга. Когда эта встреча случается, автобиография перестаёт быть только литературным жанром и превращается в нечто гораздо большее, оказываясь формой деятельности по «выстраиванию и реконструкции человеком собственного жизненного пути и построения в себе собственного образа» [Смирнов 2018: 67–68]. Автобиография в свете философии – не столько литературный жанр, сколько антропологическая прагматика, практика себя, способ достижения и поддержания актуального динамического единства с самим собой в хроническом измерении, форма конструирования самоидентичности в ситуации неизбежного для человека отсутствия самождественности [см.: Аванесов 2017]. Написание биографического текста о самом себе оказывается не только актом самопрезентации, но и философской практикой самосозидания, антропологическим действием.

Философия человека всегда и с неизбежностью автобиографична, поскольку сам философствующий включён в «предметность» своего суждения. Автобиография всегда так или иначе «философична», поскольку её герой на тех же основаниях формально совпадает с автором. При сравнении этих двух форм антропологической активности нельзя не отметить, прежде всего, *аксиологический* характер философской и автобиографической «оптики», то есть ценностный характер отношения к описываемой предметности. Не подлежит сомнению тот очевидный факт, что автор собственной биографии сознательно ранжирует свои воспоминания, делая акценты на тех событиях жизни, которые представляются ему наиболее значимыми и определяющими. Иначе говоря, автобиография строится не как линейная последовательность нейтральных дескрипций или совокупность анкетных данных, но как *аксиологически мотивированный нарратив*. Сюжет, развитие автобиографии задаются именно этими пунктами сгущения смыслового напряжения, заставляющими содержание текста не простекать ровно и последовательно, а накатывать волна за волной, побуждая линию жизни периодически взмывать к своим пиковым точкам. В этом смысле автобиография, занятая «становлением личности во времени» [Розенгрант 2001: 934], есть род антропологического философствования.

Сходство автобиографии и философии – именно в том, что философия по своей сути является *аксиологической* деятельностью. В этом её отличие от науки, которая ставит перед собой лишь описательно-объяснительные задачи. В этом же отличие *мудрости* как «внутренней собранности человека» [Тавризян 1989: 229] и *знания* как достижения формальной упорядоченности информации. Философия озабочена мудростью, наука – знанием. То, что мы называем философией, связано не столько с дескрипцией, сколько с мировоззрением, с формированием человека, бытие которого – насквозь нормативно [см.: Аванесов 2013], ориентировано по ценностям. Формирование автора как человека и есть содержание автобиографии; такое внимание к собственному экзистенциальному росту не может быть нейтральным, «научно-исследовательским». И этому автору, как и всякому философу, «присуща страстная личная заинтересованность в моральных предпосылках и практических результатах познания»; философскому же познанию отличительно присущи «не квиетизм, а мудрость и страсть, экзальтированное отношение к свободе, истине, спра-

ведливости, т. е. к проблемам человека, живущего среди людей» [Тавризян 1989: 229]. Если цель науки – знание, то цель философии – человек. И как раз на человека в его свободном становлении направлен фокус внимания творца автобиографического текста; этот человек – он сам.

И предметность, и методика философии имеют прямое отношение к ценностной сфере, определяющей собою специфику собственно человеческого существования. Постигание ценностей, по словам А. А. Гусейнова, «есть основная компетенция и ответственность философии» [Гусейнов 2001: 66]. Сделать философию *научной* дисциплиной невозможно, поскольку её нельзя изолировать от мировоззренческих, аксиологических, моральных проблем; более того, именно эти проблемы составляют её главное содержание. Не случайно ещё с античности этика признаётся неотъемлемой частью философии. Научное же мышление «претендует на ценностную нейтральность, на познание сущего, а не должного» [Шердаков 1995: 185]. Автобиография *на этих же основаниях* не является исследованием, но представляет собой заинтересованное, ценностно ориентированное действие, имеющее прямое отношение к выработке личного мировоззрения, ключевым элементом которого является сама личность автора в её *нормативном* статусе. В автобиографическом тексте философская антропология подчиняет себе литературный жанр, а мудрость руководит знанием.

Философия, подвергаящая испытанию и суду всё сущее, выстраивается как «масштабная фокусировка на тот или иной сорт ценностей»; в результате такого сосредоточения вскрывается подлинная структура человеческого мира, в котором «выделяется некое ценностное пространство, понимаемое как центр идейного тяготения» [Ильин 2005: 12]. Таким же образом смотрит в своё прошлое автор собственной биографии: он ставит перед собой задачу внести ценностный порядок в разнообразный материал памяти, придать ему аксиологическую структуру, позволяющую определять экзистенциальный «вес» тех или иных фактов. Личная жизнь в автобиографическом тексте предстаёт как движение автора / героя в координатах добра и зла, моральной силы и нравственной слабости, должного и преступного, то есть как деятельность свободного и ответственного субъекта. Взгляд автора на собственную личную жизнь совпадает с философским пониманием бытия как деятельности [Гусейнов 2001: 64], что подтверждает общность аксиологических предпосылок философии и автобиографии, прямую связь этих форм самопознания с этическим мышлением.

Так построенная и мотивированная автобиография не позволяет её автору (а за ним и читателю) отнести к прошлому событию как к факту прошедшего времени, не имеющему значения для настоящего. Событие прошлого подлежит оценке из настоящего с точки зрения влияния первого на последнее, иначе говоря, подвергается суду с позиции его значимости и его смысла в общем ходе личной жизни. Соответствующим образом смотрит в прошлое история философии; если она не оценивает и не судит, то она оказывается «чем-то вроде паноптикума: в лучшем случае она была бы способна только развлечь, но вряд ли могла бы научить понимать действительный смысл историко-философского процесса» [Майоров 2007: 7]. Действительный смысл биографии вскрывается именно благодаря аксиологически «устроенному» взгляду в прошлое, помогающему различить в нём бессмысленное и подлинно ценное. В сказках, где золото превращается в прах, речь идёт о *такой точке*

зрения на предмет, которая выявляет его подлинную ценность. Прошлое в авторских воспоминаниях подвергается именно такому суду личной памяти.

Ценность самой философии определяется тем, что как раз в её сфере всегда отстаивается «право человека на самореализацию», вопреки диктату обстоятельств утверждается «его собственное достоинство» [Торосян 1993: 96]. Ценность автобиографии, посредством которой автор осуществляет рефлексивную реализацию себя в координатах свободы и достоинства, состоит ровно в том же. И как философская аксиология оказывается «мышлением о бытии под особым углом зрения» [Лосский 1994: 250], так и автобиография заставляет пишущего держать единственно потребный для неё ракурс *мышления о собственном существовании*.

2. Автобиография и её автор/герой

Аксиологическая позиция автора собственной биографии как философа собственной жизни имеет двойную интенцию. Автор, с одной стороны, ищет в потоке прошлого наиболее ценное, значимое и определяющее; с другой стороны, он оценивает и судит самого себя в этом потоке. Ценностная позиция пишущего оказывается с неизбежностью *авторerefлексивной*. И здесь автобиография опять смыкается с философской антропологией. В вопросе о природе ценностей заключается самая суть философии, поскольку с этим вопросом философия обращается к сущему и поскольку в этом вопросе философия также обращена к себе самой. Суть философского взгляда на сущее – аксиологический характер этого взгляда; иначе говоря, ценность – это не только предмет, но и фундаментальная *предпосылка* философии, её коренная парадигмальная характеристика. Именно поэтому в вопросе о ценности философия теряет дистанцию между собой и предметом собственной рефлексии, ибо в данном случае «предмет» – это и она сама.

Рис. 1 Объективация
(рис. С. С. Аванесова. Томск, 1998)

Философия аксиологически познаёт сущее как бы «сквозь» ценность; но тогда сама ценность становится трудно определяемой, ибо она – это и то, что философия ищет в бытии сущего, и то, что позволяет самой философии быть философией. Указанная трудность предполагает как постоянную недоопределённость ценности в пространстве философии, так и принципиальную невозможность определения ценности вне и помимо определения самой философии. Иначе говоря, определяя ценность, философия всегда вынуждена определять себя. Поэтому «специфической особенностью философского дискурса, отличающей его от других видов теоретической деятельности, является выраженная авторефлексивность», позволяющая сохранять идентичность этого дискурса; и если, например, вопрос о том, что такое химия, не является «химическим» вопросом, то вопрос о том, что такое философия, «непосредственно входит в предметность философии» [Шохин 2007: 15]. Совершенно так же вопрос «кто я такой?» организует и удерживает в нужном русле автобиографический дискурс.

Автобиография, будучи продуктом авторефлексивного мыслительного процесса, не может быть «объективной», поскольку она не является *отстранённым исследованием*. Философское мышление осуществляется с такой же позиции: оно всегда лично окрашено, и не только в лингвистическом смысле. Субъект философствования не может быть элиминирован из самого процесса философствования, как и автор – из текста собственной биографии. «Личный характер философии, – подчёркивает Антанас Мацейна, – делает философа всегда субъективным, а это в корне противоречит исследованию, ибо исследование на том и держится, что по возможности является объективным» [Мацейна 2008: 126]. Эта «субъективность» философии и автобиографии обусловлена не только тем формальным обстоятельством, что и в той, и в другой (особенно наглядно, конечно, – в автобиографии) автор текста и его герой совпадают в одном лице, но и тем условием, согласно которому философ и биограф собственной жизни призваны не фиксировать факты, а вести поиск смысла. «Философия, – пишет Ж. Лакруа, – находится на службе подлинной субъективности», а её действительная роль «состоит в том, чтобы искать смысл жизни в целом»; этот смысл является организующим фактором нашего существования «как свободных и ответственных людей, призванных к самоопределению» [Лакруа 2004: 121]. Этот поиск смысла, тождественный поиску себя, является не формальным элементом жанра, а целевой причиной активности человека, находящегося в позиции автора, вопрошающего о сути происходящего с ним. Философия, по словам Мацейны, есть «состояние вопрошающего человека, а вопрошающий – страдает, ибо, в отличие от Творца, подлинным знанием не обладает» [Мацейна 2008: 126], в том числе и знанием о себе. Человек, задающий вопросы и желающий найти ответы на них, – это существо, далёкое от адиафории законченного мудреца, существо, сопротивляющееся собственной бессмысленности без какой-либо гарантии успеха. В том же самом отношении автобиография выражает собой процесс напряжённого и заинтересованного обретения человеком подлинной, осмысленной субъективности.

Наряду с авторефлексивностью в философскую деятельность в качестве её специфического признака заложена, по справедливому замечанию В. К. Шохина, и «программа “вечного возвращения”, обусловленная тем, что философия занимается “вечными вопросами”, которые, по определению, исключают возможность своего окончательного решения»; именно поэтому даже «самые

первые философы» включены в общефилософский процесс и способны оказать большое позитивное влияние на сегодняшнее философское мышление [Шохин 2007: 16]. Такая *синхронность мысли*, сохраняемая на всех этапах развития культуры, характерна не для науки с её постоянно «устаревающим» знанием, а для философии с её вечными проблемами и вызовами, с её перманентной борьбой за одну и ту же Истину. Поэтому плоды философской мысли не устаревают, оставаясь актуальными *всегда*. Но это и есть подлинная цель автора собственной биографии: сделать свой жизненный опыт актуальным в любой момент времени, то есть сделать его *вечным достоянием культуры*.

Человек – существо хроническое, существующее во времени. Временность переживается как неизбежная угроза смерти, идущая из будущего. И философия, и автобиография выступают как способы «приручения» времени, как формы борьбы с временем за то, чтобы превратить его из противника и убийцы в союзника и «подателя жизни». Если философия – это искусство умирать, а главное занятие философа – *упражнение в смерти* (Plat. Phaed. 64 a), то автобиография – один из вариантов философии: *искусство вести себя перед лицом своей будущей смерти*. Это ответ на ощущение бренности всего живого, включая самого человека, пишущего автобиографию. Это его ответ смерти. Так человек умирает, чтобы при этом умереть не до конца. Для этого он вспоминает своё прошлое, переводя его в статус вечного и тем самым продолжая себя за границы частного, локального, временного, целиком размещённого в прошедшем времени. Таким путём и философ, и автор собственной биографии выводят свою мысль в большое время культуры, в котором события не сменяют и не отменяют друг друга, а накапливаются, аккумулируются, занимая своё уникальное и всегда актуальное место в постоянно прирастающем смыслами культурном универсуме.

Итак, 1) аксиологический характер познания (в двойной перспективе – предметной и парадигмальной), 2) авторефлексивность, 3) сохраняющаяся во времени синхронность мысли и 4) установка на сопротивление смерти – вот те черты, которые роднят философию и автобиографию, позволяют видеть в автобиографии род философии и потому с полным основанием считать всякую автобиографию *философской*, даже если её автор не является «профессиональным» философом.

3. Автор и читатель автобиографии

Можно также утверждать, что не только всякая автобиография является философской, но и всякая философская мысль является в той или иной степени автобиографичной. Философ, выстаивающий свою доктрину как форму собственной жизни, демонстрирует читателю зафиксированную в его текстах историю становления собственной личности, своей мысли и своего стиля. То же справедливо для всякого пишущего автора. Владимир Набоков однажды заметил, что «самая существенная часть биографии писателя – это не перечень его приключений, а история его стиля» [Набоков 2009: 187]. Читатель способен ожидать и видеть в биографии и автобиографии не перечень анкетных данных, редуцирующих автора к физическому индивиду [Смирнов 2018: 94], но драму личностного роста героя, составляющую её подлинный сюжет.

Ссылки философа на личный опыт нисколько не противоречат стилю его мысли, поскольку философия, в отличие от «чистой» науки, является его субъ-

ективным делом. Автобиографический способ письменной речи (дискурс) мы можем отметить уже у Парменида, в поэме которого сквозь образ лирического героя просматривается его собственный жизненный и профессиональный путь [см.: Аванесов 2015]. Философские автобиографии вполне органично вырастают из самого философского образа мысли. Говоря обо всём от первого лица, философ часто и закономерно приходит к тому, чтобы говорить от первого лица и о себе. Так читатель может получить от философа *полную* картину его мировоззрения.

В автобиографическом дискурсе предметом основного внимания выступает внутренняя жизнь автора, а внешняя канва событий строится как её отражение во внешних обстоятельствах. При этом читатель видит двоякий процесс взаимного влияния «субъективного» и «объективного»: внешнее течение дел оказывает влияние на формирование личности, но при этом само внешнее воспринимается и понимается изнутри жизненного становления, как часть (аспект) событий внутренней жизни, как то, что случилось *с самим человеком*, как его собственные обстоятельства, смысл которых не заключается в них самих, но раскрывается только через призму его личного опыта. Читатель смотрит на «внешнее» глазами автора и следует авторской интерпретации «объективного».

В силу этой особенности автобиографического дискурса читатель биографии и читатель автобиографии оказываются в принципиально разных позициях по отношению к тексту. Биограф использует для своих нужд различные источники, документы и воспоминания, в том числе и автобиографию героя, если таковая имеется, поскольку цель биографа – создать *объективную* картину жизни своего персонажа. Писатель автобиографии опирается только на собственную память; его цель – воссоздать субъективную картину своей личной жизни и познакомить с ней читателя. Последнему остаётся только доверять *лично автору* в том, что касается правильности восприятия, достоверности изложения и смысловой репрезентативности предъявляемых ему событий. Но автор собственной биографии, будучи персонажем своего же нарратива, может приобретать (и почти с неизбежностью приобретает) черты лирического героя, от лица которого он и обращается к читателю. Автор не просто открывает перед читателем содержание своей памяти, он производит селекцию фактов своей жизни, разделяя эти факты на те, которые должны быть включены в текст, и те, которые не должны в него войти, основываясь при этом на своих – всегда субъективных – ценностных установках. Такая селекция может быть вызвана и требованиями жанра, и принципом сохранения приватности личной жизни, и желанием понравиться читателю.

Может ли, однако, автор собственной биографии в принципе быть беспристрастным к себе самому и совсем не учитывать то впечатление, которое он производит на своего читателя? Должно ли прошлое описываться в автобиографии «так, как оно было», без всякой коррекции и оценки с позиции настоящего? Или такой принцип описания прошлого является недостаточным, искусственным и, в конце концов, невозможным? Любое воспоминание есть вмешательство в прошлое и перевод его из состояния статичной фактичности в статус актуальной событийности; любое автобиографическое предприятие несёт на себе признаки большего или меньшего «конструирования» себя и предполагает целенаправленную фокусировку на тех сторонах личной жизни, которые представляются важными с точки зрения сегодняшнего самосознания автора.

Благодаря *заботе о читателе* «автобиографическая сосредоточенность на себе и на своей собственной жизни приобретает <...> некоторый минимум существенной публичности» [Бахтин 1975: 290]. Если же мотивом *публикации* автобиографии является не вульгарный нарциссизм, а благородная задача дать другим некое наставление на примере собственной жизни, то не принимать во внимание рецепцию текста (и персонажа) читателем становится просто невозможным.

При этом автор собственной биографии должен придерживаться известного такта в своём дистанционном общении с читателем, дабы удерживаться от искусственного украшения прошлого и героизации себя. Примерами такой бестактности наполнены многочисленные «официальные» и «поэтические» панегирические нарративы, начиная уже с античной биографии, местами превращающейся в агиографию², и античной же автобиографии, звучащей как ода самому себе³ или «публичный апологетический отчёт о своей жизни» [Бахтин 1975: 287]. Однако вопрос состоит в том, имеет ли право автор собственной биографии на умолчание, вымысел, мистификацию, иронию, игру с читателем и иные подобные отклонения от «строгой объективности»? Чем могут быть вызваны или оправданы такие отклонения, не связанные с банальной героизацией себя? Ведут ли они к искажению образа автора или, наоборот, подчёркивают его уникальную специфику, проявляющуюся в самой *форме* дискурса? Во всяком случае, эти приёмы свидетельствуют о том, что писатель помнит не только о себе, но и о читателе, учитывая его присутствие и признавая его право на соучастие в жизни текста. В автобиографических воспоминаниях входят в контакт и смешиваются пространство и время, факты личной жизни и события истории, реальное и воображаемое. Как писал Клод Симон, «воспоминания о церковной школе, латинская утренняя молитва, полуденное славословие, вечерний звон оставляют вехи среди панорам, рассечённых плоскостей, цитат самого разного рода, происходящих из всех эпох бытия, воображаемых и исторических, умножаясь в кажущемся беспорядке вокруг главной тайны» [цит. по: Оже 2017: 82–83]. Эта тайна – развёрнутая перед читателем жизнь личности.

Наконец, читатель может *оказывать влияние* и на биографию автора, и на сам автобиографический текст. Прямо или косвенно обращаясь к автору, если тот ещё жив, читатель своими советами, вопросами, недоумениями или претензиями способен скорректировать содержание и форму автобиографического нарратива, а автор имеет возможность внести правки в уже опубликованный текст, лишняя раз продемонстрировав, что никакая автобиография не может считаться законченной⁴.

² В этой связи характерен пример Гераклида Понтийского (IV в. до н. э.). Пифагор и Эмпедокл «в его исполнении превратились в литературные, почти сказочные персонажи. В этом отношении он существенно отличается от других современных ему философских биографов, таких как Аристотель, Аристоксен или Дикеарх. <...> Гераклида <...> мало беспокоит правдоподобность тех историй, которые он рассказывает. Для него мудрецы древности – это уникальные личности, наделенные сверхъестественными способностями, но в то же время выражающие платонический идеал созерцательной жизни» [Афонасин 2018: 688].

³ Ср. с подобными мотивами в «Очищениях» Эмпедокла, где, говоря словами М. М. Бахтина, «ясно выступают мифологические и мистериально-культовые основы» ранней античной автобиографии [Бахтин 1975: 281].

⁴ Ср.: «После “Бледного огня” Набоков снова обратился к автобиографии. Несколько лет назад он перевёл её на русский, и теперь, отталкиваясь от этой версии, решил ещё раз пе-

Написание автобиографии является фактом *биографии* автора и, следовательно, само написание автобиографии с необходимостью должно входить в содержание этой автобиографии. Создание автобиографического произведения изменяет и продолжает биографию, которая требует отражения в автобиографии. Биография и автобиография отражаются друг в друге и взаимно продуцируют друг друга. Это значит, что никакая автобиография не может быть исчерпывающей – и не только в то время, когда автор ещё жив и его биография продолжается. Биография философа или писателя не обрывается в момент его смерти и потому *никогда* не сможет оказаться в его полном распоряжении.

Библиография

- Аванесов 2013 – Аванесов С. С. Нормативная онтология: Петербургские доклады. Томск: Изд-во Томского гос. педагогического ун-та, 2013. 94 с.
- Аванесов 2015 – Аванесов С. С. Визуально-антропологические коннотации в онтологии Парменида // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. 2015. Т. 9. Вып. 2. С. 292–305.
- Аванесов 2017 – Аванесов С. С. Антропология сегодня: коррекция базовых ориентиров. // Человек. 2017. № 3. С. 5–32.
- Афонасин 2018 – Афонасин Е. В. Гераклид Понтийский и философская биография. // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. 2018. Т. 12. Вып. 2. С. 686–695.
- Бахтин 1975 – Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва: Художественная литература, 1975. 504 с.
- Гусейнов 2001 – Гусейнов А. А. Философия: между знаниями и ценностями. // Философские науки. 2001. № 2. С. 47–66.
- Ильин 2005 – Ильин В. В. Аксиология. Москва: Изд-во МГУ, 2005. 216 с.
- Карпенко 2016 – Автобиографические свидетельства: перспективы междисциплинарных исследований. / Отв. ред. Е. К. Карпенко. Санкт-Петербург: Алетей, 2016. 304 с.
- Лакруа 2004 – Лакруа Ж. Избранное: Персонализм. / Пер. с фр. И. И. Блауберг, И. С. Вдовиной, В. М. Володина. Москва: РОССПЭН, 2004. 608 с.
- Лосский 1994 – Лосский Н. О. Ценность и бытие. // Лосский Н. О. Бог и мировое зло. Москва: Республика, 1994. С. 249–314.
- Майоров 2007 – Майоров Г. Г. История философии как наука. // Историко-философский альманах. Вып. 2. Москва: Современные тетради, 2007. С. 5–20.
- Мацейна 2008 – Мацейна А. Бог и свобода / Пер. с лит. Т. Ф. Корнеевой-Мацейнене // Вопросы философии. 2008. № 4. С. 125–137.
- Набоков 2009 – Набоков В. В. Машенька. Санкт-Петербург: Азбука-Классика, 2009. 188 с.
- Оже 2017 – Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. / Пер. с фр. А. Ю. Коннова. Москва: НЛО, 2017. 134 с.
- Питцер 2016 – Питцер А. Тайная история Владимира Набокова. / Пер. с англ. Е. Горбатенко. Москва: Синдбад, 2016.
- Розенгрант 2001 – Розенгрант Дж. Владимир Набоков и этика изображения. Двухязычная практика. / Пер. с англ. Т. Стрелковой // В. В. Набоков. Pro et contra. Антология. Том 2. Санкт-Петербург: Изд-во РХГИ, 2001. С. 929–955.
- Сапожникова 2012 – Сапожникова Ю. Л. Жанр автобиографии: понятие и особенности. // Учёные записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогическо-

респотреть первые четыре десятилетия своей жизни. Добавив фотографии и более подробную генеалогическую информацию, Набоков исправил ошибки, которые заметил сам и на которые ему указали другие» [Питцер 2016: 450].

- го университета имени Н. Г. Чернышевского. Серия: Филология, история, востоковедение. 2012. № 2 (43). С. 54–56.
- Смирнов 2018 – Смирнов С. А. Антропология автобиографии. Часть 1. Автобиография: проблема метода. // Человек.RU. Гуманитарный альманах. 2018. № 13. С. 66–103.
- Тавризян 1989 – Тавризян Г. М. Христианский экзистенциализм: отход от «философии существования». // Французская философия сегодня. Москва: Наука, 1989. С. 213–233.
- Торосян 1993 – Торосян В. Г. Ценность философии // Вопросы философии. 1993. № 9. С. 94–96.
- Шердаков 1995 – Шердаков В. Н. Философия религии и религиозная философия. // Вопросы философии. 1995. № 2. С. 181–188.
- Шохин 2007 – Шохин В. К. Исторический генезис философии религии: проблема и её наиболее вероятное решение. // Философия религии. Альманах. 2006–2007. Москва, 2007. С. 15–88.

References

- Afonasin 2018 – Afonasin E. Heraclides of Pontus and Philosophical Biography. *ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and Classical Tradition*. 2018. Vol. 12. 2. P. 686–695. In Russian.
- Augé 2017 – Augé M. Non-Lieux. Introduction à une anthropologie de la surmodernité. Transl. into Russian. Moscow, 2017.
- Avanesov 2013 – Avanesov S. S. Normative Ontology: St. Petersburg Reports. Tomsk, 2013. In Russian.
- Avanesov 2015 – Avanesov S. S. Visual anthropological connotations in Parmenides' ontology. *ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and Classical Tradition*. 2015. Vol. 9. 2. P. 292–305. In Russian.
- Avanesov 2017 – Avanesov S. S. Nowadays Anthropology: How to Correct Basic Guidelines. *Human Being*. 2017. 3. P. 5–32. In Russian.
- Bakhtin 1975 – Bakhtin M. M. Questions of literature and aesthetics. Studies of different years. Moscow, 1975. In Russian.
- Guseynov 2001 – Guseynov A. A. Philosophy: between knowledge and values. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2001. 2. P. 47–66. In Russian.
- Ilyin 2005 – Ilyin V. V. Axiology. Moscow, 2005. In Russian.
- Karpenko 2016 – Autobiographical evidence: prospects for interdisciplinary research. Ed. by E. Karpenko. St. Petersburg, 2016. In Russian.
- Lacroix 2004 – Lacroix J. Selected Works. Personalism. Transl. into Russian. Moscow, 2004.
- Lossky 1994 – Lossky N. O. Value and Being. *Lossky N. O. God and World Evil*. Moscow, 1994. P. 249–314. In Russian.
- Maceina 2008 – Maceina A. God and Freedom. Transl. into Russian. *Questions of philosophy*. 2008. 4. P. 125–137.
- Mayorov 2007 – Mayorov G. G. History of philosophy as a science. *History of philosophy. An Almanac*. Vol. 2. Moscow, 2007. P. 5–20. In Russian.
- Nabokov 2009 – Nabokov V. V. Mary. St. Petersburg, 2009. In Russian.
- Pitzer 2016 – Pitzer A. The Secret History of Vladimir Nabokov. Transl. into Russian by E. Gorbatenko. Moscow, 2016.
- Rosengrant 2001 – Rosengrant J. Vladimir Nabokov and Image Ethics. Bilingual practice. Transl. into Russian by T. Strelkova. Nabokov. Pro et contra. Anthology. Vol. 2. St. Petersburg, 2001. P. 929–955.
- Sapozhnikova 2012 – Sapozhnikova Yu. L. The Genre of Autobiography: Notion and Peculiarities. *Scholarly Notes of the Transbaikalian State Humanitarian and Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky. Series: Philology, History, Oriental Studies*. 2012. 2 (43). P. 54–56. In Russian.

- Sherdakov 1995 – Sherdakov V. N. Philosophy of religion and religious philosophy. Questions of philosophy. 1995. 2. P. 181–188. In Russian.
- Schokhin 2007 – Schokhin V. On the genesis of philosophy of religion: the problem and its most plausible solution. *Philosophy of Religion. An Almanac. 2006–2007*. Moscow, 2007. P. 15–88. In Russian.
- Smirnov 2018 – Smirnov S. A. Anthropology of Autobiography. Part One: Autobiography: Method Problem. *Chelovek.RU. Almanac of the Humanities*. 2018. 13. P. 66–103. In Russian.
- Tavrizyan 1989 – Tavrizyan G. M. The Christian Existentialism: a departure from the “philosophy of existence”. *French Philosophy Today*. Moscow, 1989. P. 213–233. In Russian.
- Torosyan 1993 – Torosyan V. G. The value of philosophy. *Questions of philosophy*. 1993. 9. P. 94–96. In Russian.